

Е. Ф. Синельникова

Доклад секретаря Русского общества любителей мироведения об упрощении отчетности научных обществ, 1926 г.

В 1920-е гг. происходила трансформация дореволюционной науки в советскую, а также формировалась новая модель отношений между властью и наукой. Преобразования в Академии наук и высшей школе в послереволюционные десятилетия, а также историю создания первых исследовательских институтов в Советской России изучали многие исследователи¹. Однако преломление трансформационных процессов в деятельности научных обществ и их взаимоотношениях с властью в раннесоветский период пока остается недостаточно освещенным историками.

В этой связи значительный интерес представляет выявленный нами в фонде Ленинградского отделения Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР (Ф. 2555) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга источник по истории взаимоотношений власти и научных обществ. Это тезисы доклада секретаря Русского общества любителей мироведения (далее РОЛМ)² В. А. Казыцына³. Документ был направлен Советом РОЛМ в Ленинградское отделение Главнауки (ЛОГ) 13 марта 1926 г. в преддверии планируемого 1 апреля совещания директоров научных учреждений в Ленинграде⁴. На сопроводительном письме руководитель ЛОГ М. П. Кристи⁵ оставил резолюцию: «Обществу сообщить устно, что это следует выслушать в прениях по соответств[ующему] докладу»⁶.

В. А. Казицын в докладе поднимал важный для функционирования научных обществ вопрос об упрощении отчетности перед органами административного надзора, научно-административными и финансово-контрольными учреждениями.

Дело в том, что к середине 1920-х гг. научные общества оказались в довольно неоднозначной ситуации. С одной стороны, несмотря на то что они являлись общественными организациями по своему правовому статусу, многие из них регулярно и планомерно получали государственные субсидии, другим же выделялось финансирование на определенные проекты. Кроме того, с 1925 г. ряд обществ стал именоваться «государственными», в частности Русское физико-химическое, минералогическое, палеонтологическое, ботаническое, энтомологическое и географическое общества и др.⁷

С другой стороны, внимание государства к деятельности научных обществ после окончания Гражданской войны постепенно возрастало, последовательно усиливалась формализация, и ужесточался контроль. К середине 1920-х гг. отчетность научных обществ стала подробной и обширной. Так, научные общества должны были вести материальную и инвентарную книгу. Для всех научных обществ Ленинграда было обязательно предоставлять в ЛОГ, помимо годового отчета о своей деятельности, еще и краткие отчеты каждый квартал. Отчеты должны были быть составлены по строго определенной форме, охватывающей все сферы их деятельности — от внутреннего устройства, администрирования и научной работы до финансово-хозяйственной деятельности. Вместе с этим от них требовалось представление «производственных программ», а также копии протоколов всех собраний, в том числе заседаний советов и правлений. В Ленинградский губисполком также требовалось сообщать о всех собраниях за три дня до срока созыва и направлять копии протоколов собраний после проведения, а также предоставлять каждый квартал отчеты со сведениями об имуществе, приходе и расходе денежных сумм, о составе членов.

Кроме того, зачастую научным обществам приходилось отвечать на распоряжения, запросы, отношения, циркуляры и т. п., исходящие от различных властных органов, по сути к ним не имеющие отношения, но присылаемые им наравне с другими подведомственными учреждениями. Административно-научные органы совершенно не учитывали специфику деятельности научных обществ, а также их отличия от учреждений — наличие незначительного количества штатных сотрудников, притом в большинстве обществ их вообще не было и деятельность членов проходила на безвозмездной основе, зачастую отсутствовали собственные помещения.

Это вполне справедливо и в отношении отчетности перед органами финансового контроля. Составление смет и финансовых отчетов вызывало необходимость ведения бухгалтерии, требовало специальных платных работников. У большинства научных обществ обороты денежных средств были незначительны, поэтому такая отчетность была для них обременительна.

Все эти проблемы нашли отражение в тезисах доклада В. А. Казицына.

Необходимо отметить, что одним из возможных поводов к открытой критике власти стало непомерно трудное для выполнения научными обществами распоряжение административного отдела Губисполкома от 21 июля 1925 г. по «доставлению полного списка членов общества по форме сложной анкеты»⁸ в срок до 1 сентября того же года. Правления обществ в заявлениях указывали, что «вследствие разбросанности своих членов по территории республики, они к такому сроку требуемые сведения предоставить не могут»⁹. Учитывая значительную численность состава некоторых обществ (например, в РОЛМ состояло 639 членов¹⁰, а в Русском географическом обществе — 540, причем только 380 из них проживало в Ленинграде¹¹) сбор требуемых сведений в короткие сроки был крайне затруднительным.

Губисполком из-за непредоставления сведений в указанные сроки не принимал решительных действий. Однако по прошествии пяти с половиной месяцев обязал все общества прислать необходимые сведения не позднее 10 марта 1926 г., сообщив, что организации, не выполнившие это требование, будут закрыты¹².

По мнению совета РОЛМ, сбор затребованных данных «вызывает потерю времени и сил, излишние расходы», так как их обработка и переписка должны были обойтись, по подсчетам общества, не менее чем в 80–100 руб.¹³ Очевидно, что необходимость выполнять подобные требования мешала нормальной работе научных обществ.

В этом конфликте ЛОГ выступило на стороне научных обществ города и 24 февраля 1926 г. обратилось за поддержкой к Главнауке. По вполне справедливому мнению ЛОГ, «представление анкет на всех действующих членов является в высшей степени трудным, а для крупных обществ с большим количеством членов вряд ли выполнимым»¹⁴. ЛОГ считало, что основные трудности для научных обществ заключались в отсутствии у них «аппарата, который мог бы выполнить настоящее задание», а также «в отсутствии необходимых для этого денежных средств, причем следует иметь в виду, что общества и без того выполняют большую отчетность по линии административных органов»¹⁵.

Таким образом, доклад В. А. Казицына обнажил противоречия во взаимоотношениях научных обществ и власти, существовавшие в середине 1920-х гг. В этом выступлении были отражены чаяния об упрощении отчетности и надежды на демократизацию взаимоотношений с властью не только РОЛМ, но и других научных обществ. Принципиальное значение имел тот факт, что впервые открыто было высказано недовольство существовавшим положением организаций ученых. Тем не менее за этим выступлением никаких действий со стороны властей в отношении РОЛМ или его секретаря не последовало. В то же время ни одно из положений доклада в условиях формирования тоталитарного строя в стране не могло быть проведено в жизнь. Регламентация деятельности научных обществ продолжала возрастать, а его формы становились

все разнообразнее. Подробная отчетность, включающая сведения о социальном и партийном составе членов обществ, а также их управляющих органов, составлялась по особой форме, обо всех изменениях в составе членов обществ необходимо было сообщать власти незамедлительно. В свою очередь, властные органы стремились охватить вниманием все сферы жизни общественных организаций ученых: от хозяйственной до научной деятельности.

Новой формой контроля стали масштабные обследования научных обществ в 1929–1930 гг. В результате они должны были стать массовыми организациями. Независимость и свобода научного творчества, присущие природе научных обществ, были неприемлемы при тоталитарном режиме. В новых социально-политических реалиях 1930-х гг. существование научных обществ «старого образца» стало невозможно. Многие общества были закрыты, другие самораспустились, а адаптация организаций, которые продолжали существовать, была очень болезненной.

К сожалению, трагичной была судьба РОЛМ. В конце 1930 — начале 1931 г. 30 его членов были арестованы по делу о контрреволюционной группировке в РОЛМ. Половина фигурантов дела получила от 3 до 10 лет концлагерей, остальные были приговорены к высылке в отдаленные регионы страны сроком на 3 года¹⁶. 12 апреля 1931 выездная сессия Коллегии ОГПУ существенно смягчила приговор. Лагерные сроки были сокращены до 3 лет или заменены ссылкой, в отношении тринадцати обвиняемых дело было прекращено. РОЛМ было закрыто по решению Административного отдела Ленгубисполкома в 1932 г.¹⁷

Текст доклада В. А. Казицына публикуется впервые, по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Полагаем, что публикация этого источника обогатит источниковую базу социальной истории отечественной науки 1920-х гг.

Русское Общество Любителей Мироведения
ТЕЗИСЫ

доклада на Совещании директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке, имеющем быть в Ленинграде 1 апреля 1926 г., на тему:
«Об упрощении форм отчетности научных обществ перед органами административного надзора, научно-административными и финансово-контрольными учреждениями»

1. Научные общества, имеющие своим статутом устав, утверждаемый в конечном итоге органами НКВД, суть учреждения частнопровые, а не государственные.

2. Задачи, поставленные и осуществляемые научными о[бщест]вами, являются общественно-полезными и имеющими государственное значение, почему о[бщест]ва и субсидируются Правительством, иногда в значительных размерах.

3. Те народные средства, которые отпускаются научным о[бщест]вам, и те, которые собираются последними иным путем¹⁸, должны расходоваться наиболее рационально, исключительно или почти исключительно на осуществление их прямых задач.

4. Так же рационально должна расходоваться энергия, силы и время лиц, которые ведут в о[бщест]вах культурную работу, отдавая ей, в большинстве случаев бескорыстно, свой досуг, знания и силы.

5. По этим причинам из работы научных организаций должны быть, насколько возможно, исключены канцелярщина, бюрократизм и формалистика.

6. В действительности научные о[бщест]ва, как раз наоборот, бывают завалены подобной работой, притом по причинам, извне исходящим.

7. Последнее стоит в связи с фактом: а) состояния о[бщест]в под административным надзором органов НКВД; б) состояния их в ведении, научном и административном, Главнауки и в) подотчетности их перед органами финансового контроля как организаций, состоящих на госбюжете.

8. Эти три фактора делают научные о[бщест]ва подотчетными по всем трем указанным линиям, что вызывает развитие делопроизводства, затрату времени, сил и средств, так как эта работа уже редко находит бесплатных работников и требует приложения наемных служащих¹⁹.

9. Отчетность перед органами НКВД особенно обременительна, тем более что она требует развития работы, совершенно несвойственной научным организациям (сбор сведений о всех членах о[бщест]ва и т. п.). В требованиях органов НКВД нет еще установившегося плана, приходилось переделывать одну и ту же работу из-за изменения формы анкеты. На местах распоряжения центра истолковываются по-своему, выливаются в уродливые формы (примеры). Многие требования совершенно неисполнимы, технически неудобны, посему и самые органы НКВД не настаивают на точном их выполнении. Примером

совершенной нежизненности требований НКВД может служить недавно разработанный новый проект нормального устава, подвергнутый жесткой критике в совещании научных обществ, созванном по предложению Главнауки²⁰.

10. Отчетность перед органами НКП хотя и ближе стоит к прямой работе обществ, но подведение последних под общую линию «учреждений» несомненно вызывает много лишней, с точки зрения прямых задач о[бществ]в, переписки.

11. Отчетность перед органами финансового контроля вызывает необходимость ведения бухгалтерии, также переписки, требует специальных платных работников, что вряд ли рационально при сравнительно малых оборотах денежных средств.

12. Все это справедливо как в отношении крупных организаций, где работа осложняется самим масштабом дела, количеством членов, обширностью программ, так и для организаций мелких, где меньше сил и средств.

13. Сделанные в направлении упрощения отчетности шаги до сих пор не дали реальных результатов; даются отсрочки и послабления, но конкретных реформ пока не сделано.

14. Отдельные о[бществ]ва в своих заявлениях, Центральное Бюро Краеведения, наконец совещание научных обществ по пересмотру нормального устава указывало на необходимость преобразований в направлении упрощения отчетности.

15. Эти преобразования должны бы выразиться: а) в упрощении отчетности перед административными органами, в частности, отмене требования представления списков членов по форме сложной анкеты, квартальных отчетов и копий журналов, в итоге свестись к представлению лишь годового отчета; б) возможном упрощении отчетности перед Главнаукой, в идеале до того же представления годового отчета; в) в изменении системы субсидирования о[бществ]в возвращением к субсидиальной системе, с освобождением от обязанности распорядения кредитами и самостоятельного выписывания ассигновок, и предоставления в финконтрольные органы отчетности по формам, обязательным для государственных учреждений, но, по возможности, без сокращения размера ассигнований.

16. В частности неприемлем новый нормальный устав, который желательно заменить контрпроектом²¹, выработанным научными о[бществ]вами или оставить старый.

Секретарь Русского общества любителей мироведения В. Казицын.

ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1001. Л. 49 — 49 об.

- ¹ *Graham L. R.* 1) The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. New Jersey: Princeton University Press, 1967; 2) The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing // *Social Studies of Science*. 1975. Vol. 5, no. 3. P. 303–329; *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М.: Политиздат, 1982; *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984; *Levin A. E.* Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Sciences // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47, no. 2. P. 261–279; *Josephson P. R.* Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley: University of California Press, 1991; *Перчёнок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // *Звенья: Исторический альманах*. Вып. 1. М.: Процесс; Феликс; Atheneum, 1991. С. 165–258; *Берляевский Л. Г.* Власть и отечественная наука (1917–1941). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНУ ВШ, 2003; *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003; *Каиль М. В.* Из истории становления университетского образования в советской провинции // *Вопросы образования*. 2013. № 1. С. 256–272.
- ² Русское общество любителей мироведения было создано в 1909 г. и объединяло астрономов, геофизиков, метеорологов, вулканологов и др. Бессменным председателем был Николай Александрович Морозов (1854–1946) — революционер, естествоиспытатель и популяризатор науки, являлся членом нескольких научных обществ, в том числе зарубежных, с 1918 г. до своей смерти был директором Естественного научного института им. П. Ф. Лесгафта, в 1929 г. был избран почетным членом Академии наук СССР.
- ³ Казицын Владимир Алексеевич (1881–1940) — секретарь Русского общества любителей мироведения, помощник ученого секретаря Центрального бюро краеведения, арестован в 1930 г. по делу контрреволюционной организации в Центральном бюро краеведения и по делу о контрреволюционной группировке в Русском обществе любителей мироведения приговорен к 10 годам концлагерей.
- ⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1001. Л. 48.
- ⁵ Кристи Михаил Петрович (1875–1956) — революционер, советский государственный деятель, член РСДРП с 1898 г., из-за участия в революционных событиях эмигрировал за границу, в апреле 1917 г. возвратился в Россию, в 1918–1926 гг. работал в Петрограде-Ленинграде в местных органах Наркомпроса, с 1925 г. был заведующим ЛОГ, в 1926 г. был назначен заместителем начальника Главнауки и переехал в Москву, в 1928–1937 гг. возглавлял Третьяковскую галерею (с 1934 по октябрь 1937 г. работал в должности заместителя директора), в конце 1937 г. был арестован, в 1938 г. освобожден, в 1938–1948 гг. — член правления Московского союза советских художников.
- ⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1001. Л. 48.
- ⁷ Декрет СНК «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР» // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР*. 1925. № 14. Ст. 95. С. 165–176.
- ⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1001. Л. 39.
- ⁹ Там же. Д. 973. Л. 66.
- ¹⁰ Там же. Д. 1001. Л. 25.
- ¹¹ Там же. Д. 1080. Л. 7.
- ¹² Там же. Д. 973. Л. 66.
- ¹³ Там же. Д. 1001. Л. 39 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 973. Л. 65.
- ¹⁵ Там же. Л. 65 об.
- ¹⁶ Постановление ОГПУ Лен ВО по следственному делу № 4897-1930, содержащее информацию о мерах наказания для обвиняемых по делу Общества мироведения 07.04.1931 (<https://arch2.iofe.center/person/16655> (дата обращения 05.11.2021))
- ¹⁷ *Бронштэн В. А.* Разгром Общества любителей мироведения // *Природа*. 1990. № 10. С. 125.

- ¹⁸ Согласно «Нормальному уставу научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса», утвержденному в 1923 г. и лежащему в основе всех уставов функционирующих в 1926 г. научных обществ, средства организаций складывались из субсидий правительственных и общественных учреждений, членских взносов, доходов от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и других поступлений.
- ¹⁹ Оплата штатных сотрудников являлась для некоторых обществ объектом государственных субсидий. Многие такие платные работники пользовались льготами «советских служащих». Однако количество таких сотрудников, как правило, было незначительным. В частности, в 1922 г. в РОЛМ было пять штатных единиц, в это же время в Русском географическом обществе таковых было 15, в 1923 г. у Общества естествоиспытателей оплачиваемых сотрудников было шесть: ученый секретарь, редактор, помощник ученого секретаря, казначей, заведующий складом ученых изданий, лабораторный служащий. Их число во многом было обусловлено количественным составом членов общества, а также масштабом его деятельности.
- ²⁰ Речь идет о «Проекте нормального устава научных, литературных и научно-художественных обществ», разработанном НКВД в 1925 г. и по предложению Главнауки направленном для дачи заключения представителями научных обществ. В конце ноября 1925 г. при Русском географическом обществе состоялось совещание представителей научных обществ Ленинграда, которое после длительных обсуждений присланного проекта устава пришло к решению внести серьезные исправления в проект и для этой цели создало специальную комиссию. Подробнее см.: *Синельникова Е. Ф.* Власть и научные общества в середине 1920-х гг.: проекты типового устава // *Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей.* 2016. Т. XXXV. С. 184–200.
- ²¹ В результате работы комиссии представителей научных обществ был выработан контрпроект нормального устава, в котором отразились чаяния ученых об освобождении от подробной отчетности перед различными властными органами. Контрпроект носил демократичный характер. Согласно ему научные общества были освобождены от властного контроля в вопросах расходования средств и распоряжения имуществом, от необходимости сообщать о всех собраниях и об изменениях в своем личном составе. 20 января 1926 г. контрпроект был направлен в ЛОГ и в Главнауку в Москву. Конечно, он не был утвержден, так как противоречил тенденциям развития взаимоотношений власти и научных обществ. Кроме того, на составление контрпроекта у научных обществ не было соответствующей санкции.

REFERENCES

- Belyayev E. A. *KPSS i organizatsiya nauki v SSSR*. [The CPSU and the organization of science in the USSR. In Russ.]. Moscow: Politizdat, 1982.
- Berlyavsky L. G. *Vlast' i otechestvennaya nauka (1917–1941)*. [Power and domestic science (1917–1941). In Russ.]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNU VSh, 2003.
- Bronshten V. A. *Razgrom Obshchestva lyubiteley mirovedeniya*. [The defeat of the Society of Amateurs of World Studies. In Russ.]. // *Priroda*. 1990. No. 10. P. 122–126.
- Graham L. R. *The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing* // *Social Studies of Science*. 1975. Vol. 5, no. 3. P. 303–329.
- Graham L. R. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. New Jersey: Princeton University Press, 1967.
- Josephson P. R. *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Kail M. V. *Iz istorii stanovleniya universitetskogo obrazovaniya v sovetskoy provintsii* [From the history of the formation of university education in the Soviet province. In Russ.]. // *Voprosy obrazovaniya*. 2013. No. 1. P. 256–272.

Купаугородская А. П. *Vysshaya shkola Leningrada v pervyye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925)*. [Higher School of Leningrad in the early years of Soviet power (1917–1925). In Russ.]. Leningrad: Nauka, 1984.

Kurepin A. A. *Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 gg.* [Science and Power in Leningrad. 1917–1937. In Russ.]. St. Petersburg: Nestor, 2003.

Levin A. E. *Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Sciences* // Slavic Review. 1988. Vol. 47, no. 2. P. 261–279.

Perchenok F. F. *Akademiya nauk na "velikom perelome"* [The Academy of Sciences at the "Great Break". In Russ.]. // Zven'ya: Istoricheskiy al'manakh. Vol. 1. Moscow: Process; Feliks; Atheneum, 1991. P. 165–258.

Sinelnikova E. F. *Vlast' i nauchnyye obshchestva v seredine 1920-kh gg.: proyekt tytipovogo ustava*. [Power and scientific societies in the mid-1920s: draft model charter. In Russ.] // Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny: sbornikstatey. 2016. Vol. XXXV. P. 184–200.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Ф. Синельникова. Доклад секретаря Русского общества любителей мироведения об упрощении отчетности научных обществ, 1926 г. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 157–166

Аннотация: В статье рассматривается доклад секретаря Русского общества любителей мироведения В. А. Казицына, обнаруженный в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга в фонде Ленинградского отделения Главного управления научных учреждений Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР (Ф. 2555). В нем поднимается вопрос об упрощении отчетности научных обществ перед органами административного надзора, научно-административными и финансово-контрольными учреждениями. В докладе В. А. Казицына акцент сделан на сложностях, которые вызывала избыточность отчетности и контроля над деятельностью научных обществ. Эта проблема являлась одной из важнейших во взаимоотношениях власти и научных обществ в середине 1920-х гг. Публикуемый документ датирован 1926 г. Доклад предназначался для совещания директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке, которое происходило в Ленинграде 1 апреля 1926 г. Несомненно, В. А. Казицын являлся выразителем не только точки зрения совета Русского общества любителей мироведения, но и остальных научных обществ. Предложенные в докладе пути решения проблем во взаимоотношениях власти и научных обществ свидетельствуют о том, что ученые стремились к демократизации этих отношений. Однако предполагавшиеся корректировки системы государственного регулирования деятельности научных учреждений и организаций в условиях формирования тоталитарного строя в стране не могли быть претворены в жизнь. Полагаем, что публикуемый документ является интересным источником по социальной истории отечественной науки 1920-х гг.

Ключевые слова: научные общества, наука и власть, история науки, Русское общество любителей мироведения, бюрократия, общественные организации, научные учреждения.

FOR CITATION

E. F. Sinelnikova. Speech of the Russian Nature Amateurs Society secretary on the simplification of scientific societies reporting forms, 1926// Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 157–166

Abstract: The article discusses the speech of the Russian Nature Amateurs Society secretary V. A. Kazitsyn, discovered in the Central State Archives of St. Petersburg in the fund of the Leningrad Branch of the Main Directorate of Scientific Institutions of the Academic Center of the People's Commissariat of Enlightenment of the RSFSR (F. 2555). It raised the question of simplifying the reporting of scientific societies to administrative bodies, scientific administrative and financial control institutions. V. A. Kazitsyn's speech focused on the difficulties that are caused by redundant reporting and control over the activities of scientific societies. This problem was one of the most important in the relationship between the authorities and scientific societies in the mid-1920s. The published document is dated 1926. The report was intended for a meeting of directors of scientific institutions subordinate to *Glavnauka*, which took place in Leningrad on April 1, 1926. Undoubtedly, V. A. Kazitsyn was the spokesman not only for the opinion of the council of the Russian Nature

Amateurs Society, but also for other scientific societies. The ways of solving problems in relations between the authorities and scientific societies, proposed in the speech, testify to the fact that scientists were striving to democratize these relations. However, the proposed adjustments to the system of state regulation of the activities of scientific institutions and organizations in the conditions of the formation of a totalitarian system in the country could not be implemented. We believe that the published document is an interesting source on the social history of Russian science in the 1920s.

Key words: scientific societies, science and power, history of science, Russian Nature Amateurs Society, reporting, public organizations, scientific institutions.

Автор: **Синельникова, Елена Федоровна** — к. и. н., ученый секретарь, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.

Author: **Sinelnikova, Elena Fedorovna** — PhD in History, academic secretary, St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9789-4538